

**Алексей
КОНДРАТЕНКО,**
кандидат
политических наук

Есть много схожего в судьбах Ермолова и Ростопчина. Оба — генералы от инфантерии, участники Отечественной войны 1812 года. К тому же москвичи и одновременно орловские помещики. Оба были выходцами из одного социального слоя — являлись сыновьями отставных майоров. Василий Фёдорович Ростопчин дослужился до этого звания во время Семилетней войны, вышел в отставку и поселился в своём ливенском имении Козьмодемьяновское, где в 1763 году родился первенец Фёдор Ростопчин.

Алексей Петрович Ермолов родился в 1777 году в Москве. Его отец Пётр Алексеевич Ермолов с 1785 по 1791 год служил председателем палаты гражданского суда в Орле.

И Ростопчин, и Ермолов уже в детские годы были записаны в военную службу в один и тот же лейб-гвардии Преображенский полк, а затем подростками привезены в Петербург для действительного прохождения службы. Оба (правда, не в одно время) служили под началом А.В. Суворова. 15-летний Алексей Ермолов с 1792 года являлся старшим адъютантом генерал-поручика графа А.Н. Самойлова, а Ростопчин тогда же помощником этого же А.Н. Самойлова — уполномоченного России на Ясской конференции. Когда по окончании конференции Ростопчин вернулся в Петербург и в фев-

ЕРМОЛОВ И РОСТОПЧИН

рале 1792 был назначен камер-юнкером в чине бригадира, ему было поручено по-прежнему состоять при посольстве графа Самойлова. Можно высказать предположение, что уже в те годы Ростопчин и Ермолов имели практически стопроцентную возможность близко познакомиться друг с другом.

Однако скоро их судьбы перестали быть столь похожи одна на другую. Фёдор Ростопчин быстро сделал великолепную карьеру и стал одним из высших сановников России при Павле I. А 22-летний подполковник, командир конно-артиллерийской роты Алексей Ермолов, как участник политического кружка, был обвинён в вольнодумстве и на два месяца заточён в каземат Алексеевского рavelина в Петербурге.

Суть «заговора» заключалась в том, что служившие в Смоленске офицеры позволяли себе вольности в отношении царя. Заводилой был Александр Каховский — брат Ермолова (их мать Мария Денисовна Давыдова, похоронив мужа, ротмистра в отставке, вышла замуж за Петра Ермолова, от этого брака родился сын Алексей, бывший на шесть лет моложе единоутробного брата своего). Однажды Ермолов привёл к брату отысканного где-то на базаре мастера, любителя выпить и балагура, похожего как две капли воды на императора Павла. Вот потеха началась! Более того, заговорщики щедро оплачивали последовавшие выступления этого «пародиста» на ярмарках под видом скомороха... Как сообщали внимательно наблюдавшие за вольнодумцами агенты, тайные группы находились всюду «от Калуги до литовской границы и от Орла до Петербурга».

Дело «смоленских якобинцев» рассматривал сам император Павел с участием Аракчеева, начальника военной коллегии Ростопчина, руководителя следствия генерал-лейтенанта Линденера. Аракчеев в свойственной ему манере предложил:

— Наказание для всех заговорщиков должно быть примерным. Главных четвертовать, остальных повесить.

Линденер и Ростопчин такой «вердикт» категорически отвергли. Они заявили Павлу:

— Мера наказания сего и публичность ещё более озлобят гвардейское и армейское офицерство. Оставление в тайне следственного дела и заключение заговорщиков в крепость, по нашему разумению, более благоразумны.

Яростный Павел потребовал дела ни в коем случае не разглашать, «Каховского, лишив чинов и дворянства, навечно

заклЮчить в Динамюндскую крепость. Остальных оставить под стражей или отправить в ссылку под строжайшим надзором».

Ссылка Ермолова в Кострому завершилась только вследствие смерти Павла I. Удивительно, но будущий генерал оценивал происшедшее и с положительной стороны, признавая, что император «в ранней молодости мне дал жестокий урок», без которого бурной кипучей натуре было бы несдобровать в будущем.

Затем фортуна вновь проявляет свою изменчивость. Ростопчин оказывается в многолетней фактической ссылке. Ермолов продолжает своей карьерный рост, дослуживаясь, несмотря на противодействие Аракчеева, в 1808 году до генеральского чина. Судьба вновь свела двух земляков вместе в 1812 году. Ростопчин был назначен Главнокомандующим в Москве. Ермолов служил начальником штаба 1-й Западной армии.

Хрестоматийный эпизод из истории: тот день, когда решалась участь Москвы, и Кутузов, и Ростопчин заявляли о том, что войска будут биться за столицу до последнего. И вот позади Бородинское сражение. 1 сентября 1812 года рано утром фельдмаршал Кутузов приехал на Поклонную гору и приказал строить здесь, на правом фланге расположения русских войск, обширный редут. Как бы

сомневаясь в своём решении, Кутузов остановил взгляд на самом молодом из окружавших его генералов — Ермолове и спросил его мнение об этой позиции. Ермолов, сославшись на невозможность сразу оценить в целом ситуацию, всё же высказал мысль о том, что удержаться здесь будет нельзя. Удивление замерло на лице Кутузова, он взял руку Ермолова, ощупал пульс и спросил участливо:

— Здоров ли ты?

Ермолов раздражённо бросил:

— Драться здесь вы не будете, или будете непременно разбиты.

Генералы удручённо молчали...

Вскоре на позицию приехал Ростопчин, желавший встретиться с Кутузовым ради решающего разговора... Ермолов увидел Ростопчина у Кутузова уже после того, как два высших начальника долго о чём-то говорили. Как вспоминает Ермолов, только его погоны, звание обратили внимание градоначальника, «до того гордый вельможа не знал меня».

Ростопчин отвёл Ермолова в сторону и спросил:

— Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель не приобретёт ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и всё имущество вывезены, из церквей, за исключением немногих, взяты драгоценности, богатые золотые и серебряные украшения. Спасены важнейшие государственные архивы. Многие владельцы частных домов укрыли лучшее своё имущество. В Москве останется до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта.

Задумавшись на мгновение, Ростопчин добавил:

— Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите её пылающую!

Ермолов вежливо ответил:

— Ваше сиятельство видит во мне исполнителя воли начальника, не допускающего свободы рассуждения.

Ростопчин не скрыл от Ермолова подозрения, что Кутузов далёк от желания дать сражение. Так и не получив ясного ответа, Ростопчин покинул ставку. А вскоре Кутузов вкратце пересказал Ермолову суть своего разговора с Ростопчиным и посетовал на то, что он раньше не знал, что с занятием Москвы французы не приобретут никаких существенных выгод и что теперь уже нет веских причин нести жестокие потери ради удержания столицы. Слушая эти наивные (?) рассуждения

Кутузова, Ермолов молчал, боясь снова спровоцировать Кутузова на ощупывание пульса. Когда же фельдмаршал приказал Ермолову говорить, тот ответил, что прилично было бы арьергарду оказать какое-то сопротивление французам, прежде чем покинуть столицу.

Вскоре после того, как Ермолов покинул Москву, в городе прогремели взрывы и начался пожар. Как пишет он в своих воспоминаниях, «я вспомнил слова графа Ростопчина, сказанные мне накануне, и Москва стыд поругания скрыла в развалинах своих и пепле! Собственными нашими руками разнесён пожирающий её пламень. Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться тем, что возвышает честь народа. Россиянин каждый частно, весь город вообще, великодушно жертвует общей пользе.

Таким образом, в извечном споре о причинах пожара Москвы Ермолов однозначно указывает на то, что инициатором этого был Ростопчин. Но действия Ростопчина он оценивает как высокопатриотичный поступок.

Оставшись не у дел после сдачи Москвы, Ростопчин по поручению

Москву» к такому состоянию, чтобы неприятель не мог извлечь из неё ничего для себя полезного.

С доверием отзывается и Ростопчин о Ермолове. В одном из его писем осени 1812 год встречается фраза: «Целый ряд признаков позволяют думать об измене, но я уверен в двух генералах: Ермолове и Коновнице».

Вскоре после окончания Отечественной войны Ростопчин уехал за границу и вернулся в Россию только незадолго до своей кончины в начале 1826 года. Ермолову судьбой был отпущен значительно больший срок. Для современных исследователей первостепенный интерес представляет деятельность Ермолова на Кавказе. В связи с этим хотелось бы напомнить о том, что одним из предшественников Ермолова был Павел Дмитриевич Цицианов (1754–1806) — генерал от инфантерии (с 1804 года), с 1802 года главнокомандующий русскими войсками в Грузии и астраханский военный губернатор.

Цицианов был, пожалуй, самым близким другом Ростопчина, в начале XIX века они вели оживлённую переписку, обсуждая в письмах и кавказские проблемы. В те годы Цицианов руководил присоединением к России Имеретии и Мингрелии; в начале русско-иранской войны 1804–1813 годов командовал русской армией. Цицианов присоединил к России Гянджинское, Карабахское, Ширванское и Шекинское ханства и был убит в 1806 году во время переговоров с бакинским ханом.

Ещё ждёт своего исследователя сопоставление деятельности Цицианова и Ермолова, изучение роли, которую играл опытный государственный деятель Ростопчин в консультировании Цицианова.

Таким образом, Ермолов и Ростопчин оказались связаны между собой не только орловскими реалиями, но и схожестью в служебных карьерах, участием в одних и тех же военных и политических событиях истории России конца XVIII — начала XIX веков.

Александра постоянно сообщал тому о происходящем. Письма Ростопчина полны критических отзывов о деятельности военачальников. Характерно, что в 1812 году отрицательную характеристику действиям Кутузова давал не только Ростопчин, но и такие известные военные деятели, как Барклай, Беннигсен, Вильсон. Обещания Кутузова сражаться за Москву «нескромными» называл Ермолов... И добавлял: Ростопчин ими не обманулся, он старался «приготовить